

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. А. Великородная

Томский политехнический университет

Инфинитив – наиболее отвлеченная форма глагола, не обозначающая реального действия, а только называющая его. По выражению А. М. Пешковского, «язык сделал колоссальное завоевание в области мысли, создав представление о процессе самом по себе, вне связи его с производителем процесса и вне опредмечивания процесса» [9, с. 130-131]. Подобно двум другим неличным формам – герундию и причастию, инфинитив сочетает в себе одновременно глагольные и именные черты. Двойственная природа инфинитива нашла свое отражение в работе А. М. Пешковского, который определяет его как «существительное, не дошедшее один шаг до глагола» [там же]. Именно в такой двойственной природе заключена, по мнению В. В. Богданова, причина жизнеспособности инфинитива. Кроме того, инфинитив в обстоятельственной и атрибутивной функциях показывает смысл целого предложения, что никак не влияет на адекватную передачу этого смысла [3, с. 164].

По определению Ш. Балли, инфинитив является транспозицией глагола, что дает ему способность «играть роль» существительного [2, с. 326]. Под транспозицией понимается «неизменность исходной семантики транспонируемого компонента» [2, с. 130]. В результате транспозиции грамматическая форма при сохранении своего исходного значения приобретает дополнительное значение, которое обычно выражается другими грамматическими формами. В отношении инфинитива речь идет о способе имплицитной транспозиции, которую Ш. Балли назвал «гипостазом», где «категория заимствования при отсутствии всякого транспонирующего выражается лишь синтагматическим окружением». По мысли автора, неоспоримым достоинством гипостаза является его способность допускать межкатегориальный обмен «с минимумом комбинаторных усилий» [2, с. 181].

С понятием гипостаза перекликается идея о состоянии синтаксического покоя грамматической формы В. Г. Адмони. Автор употребляет термин «состояние синтаксического покоя» по отношению к грамматическим формам, которые своей семантикой менее всего ориентированы на различные ситуативно обусловленные явления, приводя в качестве примера форму именительного падежа существительного [1, с. 39].

Очевидно, инфинитив как неличная форма глагола также находится в состоянии синтаксического покоя по сравнению с личными формами глагола. Инфинитив лишь номинирует какое-либо действие, эксплицитно не реализуя ряд показателей (время, лицо, число, соотнесенность с субъектом действия).

Следует принять во внимание, что у инфинитива может быть выражено (при вхождении в предикат) относительное временное значение предшествования. Все эти значения, так или иначе, заложены в инфинитиве как форме, которая, несмотря на свою парадигматическую ущербность, остается в поле глагольности. Именно эта заложенность разнообразных грамматических значений в инфинитиве позволяет так широко использовать данную неличную форму глагола в функциях обстоятельств цели, причины, следствия и других вместо соответствующих придаточных предложений. В языке работает принцип коммуникативной достаточности: если для достижения целей коммуникации достаточно употребления примыкающего к личному глаголу – предикату посредством подчинительной (субординативной) связи инфинитива в обстоятельственной функции, то употребление придаточного предложения оказывается излишним.

Как известно, в языке действуют две противоположные тенденции: тенденция к эксплицитному выражению в целях более адекватной передачи смысла (что часто приводит к избыточности, ср. «грамматический плеоназм» Ш. Балли) и тенденция к компрессии вербального выражения [8, с. 96]. Явление гипостаза, то есть компрессированного выражения смысла, находит свое выражение в функционировании инфинитива. Следствием компрессии выступает существование в языке прямой и косвенной номинации.

По мысли А. А. Уфимцевой, «системно-языковая опричиненность феномена косвенной номинации заложена не только в асимметрии словесных знаков – она соотносится и с тенденцией языковой экономии, избегающей при образовании новых наименований увеличения единиц плана содержания» [11, с. 79]. Употребление инфинитивных конструкций обуславливается существующей в языке закономерностью, суть которой сводится к принципу языковой экономии, с одной стороны, и к принципу коммуникативной достаточности, с другой.

Рассматривая один из частных вопросов проблемы словосочетания в современном английском языке – личного глагола с одной из его неличных форм – инфинитивом, следует то, что инфинитив в подобных сочетаниях принято называть зависимым. Действительно, он входит в предложение благодаря непосредственной синтаксической связи с финитным глаголом. Можно сказать, что в данных сочетаниях личный глагол и инфинитив составляют конструкцию с дистрибутивной формулой V to V.

Необходимость исследования глагольно-инфинитивных конструкций объективно диктуется своеобразием их грамматического значения и употребления. Кроме того, рассматриваемые сочетания отличаются широтой употребления в речи и многообразием глаголов, с которыми сочетается инфинитив.

Среди исследователей нет единства взглядов относительно принципов классификации инфинитивных словосочетаний, не выработаны объективные критерии их разграничения.

Словосочетание определяется как группа синтаксически связанных слов в составе предложения, которая сама не является предложением. Минимальное словосочетание двухкомпонентно, максимальное словосочетание теоретически может быть сколько угодно велико, хотя специальных исследований по этому вопросу нет.

Традиционной точкой зрения, возникшей в отечественной лингвистике с середины XX века под влиянием трудов В. В. Виноградова, стала трактовка словосочетания только как подчинительной структуры. Однако значительное количество отечественных лингвистов и подавляющее большинство зарубежных считают словосочетанием любую синтаксически организованную группу слов, независимо от типа отношений, на которых она базируется.

Так, Ф. Ф. Фортунатов определяет словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части» [12, с. 451].

Значит, предложение причисляется к одному из разрядов словосочетаний.

А. М. Пешковский еще шире понимает словосочетание: «Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли» [9, С. 35].

При таком подходе считается возможным рассматривать как одно словосочетание объединение двух или нескольких предложений. Как «соединение слов, равное простому предложению», рассматривает словосочетание М. Н. Петерсон, исключив, таким образом, из синтаксиса учение о предложении [5, с. 45].

Сложившаяся грамматическая традиция нашла отражение и во взглядах В. П. Сухотина на проблему словосочетания, под которым понимается «минимальное грамматическое и смысловое единство в составе предложения, отражающее связи реальной действительности» [10, с. 127-177]. Такое определение приводит к следующим выводам:

- 1) словосочетание вычленяется из предложения;
- 2) сочетание подлежащего и сказуемого тоже является словосочетанием, которое выполняет функцию сообщения или высказывания о действительности, остальные словосочетания непредикативные;
- 3) в некоторых случаях словосочетания могут быть равны простому предложению;

4) словосочетания делятся на однородные (с сочинительной связью: *учитель и инженер*) и неоднородные (с подчинительной связью: *учитель инженера*) [5, с. 22].

Из сказанного выше следует, что словосочетание понимается как такое синтаксическое единство, которое вычленяется из предложения и существует только в предложении.

В статье А. М. Пешковского В. В. Виноградов пишет: «Словосочетание и предложение – понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Предложение вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют слова-предложения» [6, с. 38].

Из такого понимания словосочетания следует, что не всякое объединение полнозначных слов является словосочетанием, а лишь такое, которое представляет собой «продукт семантического распространения слова», то есть построено по правилам распространения слова. Говоря о словосочетании, следует учитывать и точку зрения В. А. Белошапковой на эту языковую единицу. Словосочетание определяется как «непредикативное соединение на основе синтаксической связи слова с формой слова или формы слова с формой слова» [7, с. 10-11]. В соответствии с этим определением словосочетаниями признаются любые непредикативные конструкции, основанные на синтаксической связи и представляющие реализацию всех ее видов – как подчинительной, так и сочинительной.

Из сказанного следует, что проблемы, связанные со словосочетанием (их объем, границы, возможности сочетаемости лексических единиц), не решены до конца и продолжают исследоваться в современной лингвистике, однако в настоящее время господствующей точкой зрения на словосочетание остается точка зрения В. В. Виноградова.

Для словосочетания как единицы низшего уровня синтаксической системы целесообразно выделить следующие дифференциальные признаки:

- 1) грамматический – непредикативная единица;
- 2) функциональный – единица номинативного плана, выражающая единое, но расчлененное понятие о предметах, признаках, действиях;
- 3) структурный – конструкция, состоящая не менее чем из двух знаменательных слов, связанных подчинительной связью;
- 4) семантический – конструкция, в которой выражаются определенные синтаксические отношения между словами;
- 5) парадигматический – единица, представленная системой форм, опирающихся на формы главного, стержневого слова.

В соотношении понятий словосочетание и предложение основным признаком, различающим их, является наличие предикативности, модальности, синтаксического времени и интонационной завершенности у предложения и отсутствие названных признаков у словосочетания. Глагольные словосочетания занимают исключительное место в

синтаксической структуре современного английского языка как с точки зрения частотности их употребления, так и в плане разнообразия их структурных моделей. Ввиду разнородности различных подклассов глаголов английского языка, характеризующихся существенными различиями в их синтаксической дистрибуции, классификация глагольных словосочетаний современного английского языка представляет значительные трудности.

Из двадцати пяти глагольных конструкций, описанных А. С. Хорнби, инфинитив присутствует в восьми из них:

(ГК2) Глагол + *not* + инфинитив с частицей *to* (+...);

(ГК3) Глагол + существительное (местоимение) + (*not* +) инфинитив с частицей *to* (+ ...);

(ГК5) Глагол + существительное (местоимение) + инфинитив без частицы *to* (+ ...);

(ГК13) Глагол + союзное слово + инфинитив с частицей *to* (+ ...);

(ГК14) Глагол + существительное (местоимение) + союзное слово + инфинитив с частицей *to* (+...);

(ГК25) Глагол + инфинитив с частицей *to* в функции обстоятельства цели (+...) [14, С. 25].

Прежде чем перейти к рассмотрению категориальных форм инфинитива в их синтаксических функциях различных членов предложения, необходимо отметить каждую из грамматических категорий, непосредственно присущих инфинитиву как непредикативной форме глагола.

Инфинитив имеет ряд особенностей, сближающих его с личной формой глагола: даже в функциях, свойственных имени, инфинитив сохраняет способность выражать действие как процесс, то есть имеет залоговые и видовые различия, выражает время, переходность и непереходность основы и, что самое главное – имеет свой собственный субъект действия; кроме того, инфинитив имеет способность принимать прямое дополнение и определяться наречием. В тех случаях, когда действие, выраженное инфинитивом, соотносено с подлежащим предложения, инфинитив называется субъектным. Если деятель выражен дополнением, инфинитив называется объектным.

Изучение теоретической литературы по вопросам грамматики показало, что как среди отечественных, так и среди зарубежных лингвистов существуют различные точки зрения в отношении функции инфинитива в определенных случаях его употребления. К их числу Г. П. Богуславская относит мало разработанный вопрос синтаксиса современного английского языка – инфинитив в функции обстоятельства следствия [4, с. 54].

Итак, все англисты (за исключением тех, которые оставляют вопрос о функции инфинитива в таком употреблении открытым), придерживаются единой точки зрения в отношении синтаксической функции такого инфинитива, считая его обстоятельством, но расходятся во мнениях

относительно того, к какой разновидности обстоятельства он относится [4, с. 87].

Инфинитивные конструкции являются предикативными, поскольку состоят из 2-х элементов – имени или местоимения и неличной формы – инфинитива, причем неличная форма находится в предикативных отношениях к именной части конструкции, и является как бы сказуемым к именному элементу.

Рассмотрим «объектную инфинитивную конструкцию»:

1) I heard him cry [17, с. 32].

В данных примерах представлена конструкция, где в отличие от придаточных предложений, субъектно-предикатные отношения грамматически не выражены, так как в данной конструкции нет финитной глагольной формы, которая функционирует как глагольный предикат. Таким образом, в этой конст-рукции не представлен ни реальный субъект, ни реальный предикат. Можно говорить о мнимом или скрытом субъекте и предикате.

Эта конструкция может быть трансформирована в придаточное предложение: (1) *I heard* (2) him cry.

→ I heard /that/ he cried. (придаточное дополнительное)

Рассмотрим другие случаи зависимости «объектной инфинитивной конструкции» от первой части предложения – первая часть предложения и «объектная инфинитивная конструкция» имеют общий элемент (существительное в общем падеже или личное местоимение в объектном падеже): Suddenly *I heard* her call my name [15, с. 45]. Вдруг я услышал, что она позвала меня по имени.

В данном примере «her» играет двойную роль, поскольку относится к предикату первой части предложения в качестве прямого дополнения «I heard *her*» и семантически входит в сочетание «*her call my name*», так как подразумевает деятеля, выполняющего действие, выраженное инфинитивом «call» без маркера «to».

Таким образом, «объектная инфинитивная конструкция» функционирует как часть предложения, а именно – «complex object».

Рассмотрим «субъектную инфинитивную конструкцию»:

1) He is supposed to have arrived already [16, с. 45].

В примере «He is supposed to have arrived already» синтаксические отношения представлены через трансформацию следующим образом:

He is supposed to have arrived already.

→ It is supposed that he has arrived already.

Первая часть предиката «is supposed» относится к деятелю, который представлен в предложении подлежащим «he». С точки зрения синтаксических отношений, личная форма глагола «is supposed» служит предикатом к субъекту, хотя она обозначает «предположение, мнение».

Вторая часть составного глагольного сказуемого – «to have arrived» семантически относится к подлежащему в предложении, хотя грамматически это не выражено. Вторая часть предиката обозначает действие или состояние субъекта.

Следовательно, особенность «субъектной инфинитивной конструкции» состоит в том, что первый элемент конструкции «he» отделен от второго элемента «to have arrived» личной формой глагола «is supposed», которые вместе образуют «составное глагольное сказуемое», при подлежащем «he».

1) He is understood to have left for Canada [8, с. 403].

→ / He has left for Canada is understood.

2) She seems to believe me [8, с. 403].

→ / She believes me seems.

Таким образом, из представленных примеров, преобразованных путем трансформации правомерно говорить о «complex predicate», а не о «complex subject».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 305 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 350 с.
3. Богданов В.В. Семантико-грамматический статус инфинитива. Опыт типологического анализа. – М.: Высшая школа, 1980. – 322 с.
4. Богуславская Г.П. Обстоятельство последующих явлений. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – 180 с.
5. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Наука, 1978. – 123 с.
6. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания. – М.: Учпедгиз, 1954. – 203 с.
7. Диброва Е.С. Учебное пособие по русскому языку. – М.: Наука, 1997. – 125 с.
8. Кобрин Н.А. Грамматика английского языка. – СПб.: Изд-во «Союз», 2006. – 496 с.
9. Леонтьева Н.Н. Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке. – М.: Худож. литература, 1967. – 150 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Худож. литература, 1956. – 155 с.
11. Сухотин В.П. Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1957. – 187 с.
12. Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. – М.: Высшая школа, 1977. – 180 с.
13. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1957. – 471 с.

14. Хорнби А.С. Конструкции и обороты английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. языке, 1992. – 385 с.
15. Fitzgerald F. S. Selected short stories. – М.: Progress Publishers, 1979. – 357 p.
16. Galsworthy J. The Man of Property. – М.: Penguin Books, 1950. – 243 p.
17. Hemingway E. Selected stories. – М.: Progress Publishers, 1971. – 398 p.

РИТОРИКА – УЧЕНИЕ О РЕЧЕВОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

О. С. Воронцовская

*Томский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Риторика рассматривается как технология (совокупность методов и приемов) создания текста, оформленного в убедительном и ясном высказывании (устном и письменном), которое выражает значимые для автора и его адресата мысли, чувства и переживания.

Право на влиятельную (убеждающую) речь, по мнению античных авторов, имеют те люди, которые сформировали в себе основные, базовые качества языковой личности: этос, логос и пафос.

Аристотель в своей «Риторика» писал, что все люди некоторым образом причастны риторике, «так как всем в известной мере приходится, как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдывается, так и обвинять». Нет таких профессий, где искусное владение словом не пригодилось бы. Но в некоторых сферах человеческой деятельности оно становится просто необходимым, является обязательным условием эффективной работы.

«Государство – это общение» – говорил Платон. Профессия государственного служащего относится к лингвоинтенсивным профессиям, так как на го-сударственной службе важную роль играет речевое общение. Поэтому риторика, важная составляющая компонента оценки проявления личности чиновника в слове: нравственно-этическая (оценка нравственности оратора по принципам справедливо / несправедливо, хорошо / дурно, прекрасно / уродливо; интеллектуальная оценка определяется богатством мыслей оратора, его образованностью (умеет ли оратор аргументировать); индивидуально-стилистическая (своеобразное эмоциональное и словесное выражение позиции оратора); эстетическая оценка связана с отношением к исполнению речи: ясности и изяществу выражаемых мыслей, красоте звучания, оригинальности в подборе слов.

Личность государственного служащего проявляется в поступках, а все существенные поступки человека связаны с речью. Поэтому сказать о том, каков человек и его личность, можно только проанализировав его мысли и